

Лу Цзаоцю обернулся к Чжун Гуаньбаю:

— «Фантазия Кармен».

Чжун Гуаньбай рассмеялся, и в его голове возникли два больших иероглифа — скрытный.

Он, сдерживая смех, спросил:

— Сарасате?

Лу Цзаоцю спокойно подтвердил.

Чжун Гуаньбай подумал, что сегодняшние белые перчатки господина Лу, вероятно, предназначены для того, чтобы бросить их в лицо сопернику. Что бы тот ни играл, Лу Цзаоцю выбрал бы именно «Кармен». Если соперник играет Ваксмана, то он сыграет Сарасате.

Сарасате был человеком, склонным к показухе, сам отлично играл на скрипке и любил писать сложные, виртуозные произведения. Обе «Фантазии Кармен» были основаны на одноименной опере, но версия Сарасате явно содержала гораздо более сложные и изощренные скрипичные техники.

Лу Цзаоцю обычно не был таким человеком, но сегодня, похоже, он угодил в какую-то бочку с уксусом. Чжун Гуаньбай представил себе маленькую Q-версию Лу Цзаоцю, случайно свалившуюся в огромную уксусную бочку, и, глядя на стройную фигуру Лу Цзаоцю с широкими плечами и узкой талией, который с невозмутимым, холодным и отстраненным выражением лица держал скрипку, он нашел его невероятно милым.

Лу Цзаоцю слегка повернулся в сторону фортепиано, и Чжун Гуаньбай поднял руку, начав вступительный аккомпанемент.

Лу Цзаоцю, слушая звуки фортепиано, поднял смычок, и скрипичная мелодия, похожая на повествовательную поэму, полилась в сопровождении ритмичных, как барабанная дробь, ударов фортепиано. Внезапно скрипка изменила тон, добавляя нотку чего-то особенного.

Музыка постепенно приближалась к первому кульминационному моменту, фортепиано то усиливалось, то ослабевало вместе со скрипкой.

Несколько щипков струн, несколько резких движений смычком — и аккомпанемент Чжун Гуаньбая остановился, чтобы затем возобновиться по кивку Лу Цзаоцю.

Лэнс, не отрывая глаз от пальцев Лу Цзаоцю, был очарован.

Он никогда не замечал, что этот, казалось бы, слишком худощавый восточный мужчина обладает такой притягательностью. Этот человек был холоден, как айсберг, но когда он играл на скрипке, его музыка словно загоралась, наполняясь жаром и ослепительным светом.

Лу Цзаоцю закрыл глаза, его пальцы скользили по струнам, а смычок прыгал с такой скоростью, что за ним было почти невозможно уследить.

В четвертой части произведения он намеренно сделал импровизацию. Чжун Гуаньбай насторожился, резко поднял голову и посмотрел на Лу Цзаоцю. Тот повернулся к нему, его взгляд был острым и горячим, и Чжун Гуаньбай почувствовал себя почти что принужденным.

Это было доверие скрипача к пианисту.

И, более того, ожидание Лу Цзаоцю от Чжун Гуаньбая.

Он не мог его подвести.

Чжун Гуаньбай воспрянул духом, аккомпанемент вновь зазвучал, переплетаясь со скрипкой.

Десять пальцев на черно-белых клавишах, каждый из которых был связан с бьющимся сердцем. А в сердце Чжун Гуаньбая половина принадлежала фортепиано под его руками, а другая половина — Лу Цзаоцю перед ним. Горячая кровь бурлила в его сердце, наполняя все тело идеалами и любовью к человеку.

Звуки скрипки и фортепиано казались единственными звуками в мире, ресторан превратился в концертный зал, где они исполняли симфонию двоих.

Последние два движения смычка тяжело пронесли по струнам, и в ресторане раздались бурные аплодисменты.

Чжун Гуаньбай резко встал и направился к Лу Цзаоцю. В тот же момент Лу Цзаоцю повернулся и пошел к нему, держа в руках скрипку и смычок.

Чжун Гуаньбай остановился перед Лу Цзаоцю, их взгляды встретились.

Лу Цзаоцю не удержался и наклонился, слегка коснувшись губами губ Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай вдруг словно обезумел, прижал Лу Цзаоцю к пустому столу рядом с фортепиано и начал яростно целовать и кусать его, говоря между поцелуями:

— Лу Цзаоцю, ты мой бог...

— Ты снова взял меня за руку.

— Эй, Елена, Менелай, остановитесь, это моя скрипка, — закричал Лэнс. — Вы её раздавите! Ладно, это не моя скрипка, это скрипка моего клиента, он заставит меня заплатить за неё, а я не застраховал её!

Чжун Гуаньбай отпустил Лу Цзаоцю. На лице Лу Цзаоцю не было никаких эмоций, но его губы были опухшими и влажными, а в уголке рта виднелась небольшая ранка.

Лэнс с легким недовольством сказал:

— О, Елена, ты чуть не зацеловала моего Менелая до смерти.

Чжун Гуаньбай: [...]

Лу Цзаоцю подошел и вернул скрипку Лэнсу.

Лэнс, увидев, как Лу Цзаоцю приближается, тут же стал серьезным, и вся его легкомысленная и показная манера поведения исчезла. Он одной рукой взял скрипку, а другой торжественно протянул руку Лу Цзаоцю, как истинный джентльмен из знатной семьи.

— Позвольте представиться. Мастер по изготовлению скрипок, Лэнс Шомон.

Лу Цзаоцю протянул руку:

— Лу Цзаоцю.

Лэнс несколько раз попытался произнести «Лу Цзаоцю», но так и не смог правильно выговорить его имя. Он посмотрел в глаза Лу Цзаоцю и с искренним восхищением сказал:

— Мой дорогой Менелай, твое имя прекрасно, как скрипка. Ты знаешь, для того чтобы извлекать красивые звуки, нужна практика.

Это был Лу Цзаоцю, и Чжун Гуаньбай никогда не видел, чтобы кто-то так открыто пытался флиртовать с ним. Он тут же встал перед Лу Цзаоцю и сказал Лэнсу:

— Ладно, нам пора идти, Парис. Тебе тоже не пора возвращаться в Троию?

Лэнс дружески обнял Чжун Гуаньбая за плечи, как будто они были старыми приятелями:

— О, Елена, я не уведу твоего Менелая. Он не в моем вкусе. И, знаешь, в его глазах только ты... Боже, вы действительно должны так смотреть друг на друга? Я начну думать, что вы снова собираетесь целоваться...

Чжун Гуаньбай сказал:

— Просто пользуюсь своими законными правами.

Лэнс достал открытку и вставил её в карман рубашки Чжун Гуаньбая:

— Эй, Елена, если ты захочешь подарить своему скрипачу что-то особенное, можешь обратиться ко мне. Если вы захотите посетить самую уникальную фабрику по производству скрипок в мире, тоже приходите.

Лэнс взял скрипку и вышел из ресторана. Он не обернулся, лишь махнул рукой в последних лучах заходящего солнца.

Чжун Гуаньбай достал открытку и посмотрел на неё. На ней была изображена черно-белая скрипка, нарисованная от руки, и три строки текста.

Одна строка — имя, другая — адрес, а самая заметная и изысканная строка была написана изящным французским шрифтом: «В сердце каждого есть скрипка, которую невозможно создать».

Чжун Гуаньбай небрежно положил открытку обратно в карман и сказал:

— Господин Лу, пойдем домой?

Лу Цзаоцю кивнул, а затем заказал в ресторане несколько блюд и десертов, попросив официанта доставить их домой. Когда он хотел заплатить, владелец ресторана с улыбкой отказался:

— Позвольте нам угостить вас.

Лу Цзаоцю положил деньги за еду и чаевые на стеклянное блюдо у стойки:

— Мы провели здесь прекрасный вечер.

Владелец ресторана улыбнулся и пожал плечами, не говоря больше ни слова, но за ужином отправил бутылку вина в качестве дополнения.

Во дворе их арендованного дома стоял деревянный стол, на котором были расставлены три подсвечника, а в стеклянной вазе рядом с ними лежали розы, которые они привезли с цветочного поля.

Салат с тунцом был свежим и вкусным, а мороженое на крепе только начало таять.

Чжун Гуаньбай помог Лу Цзаоцю сесть, расставил столовые приборы, а затем взял теплое полотенце, чтобы вытереть ему руки.

— Господин Лу, у тебя осталось всего несколько дней отпуска. Давай завтра поедem в Эз? Там есть ботанический сад.

Теплое влажное полотенце коснулось пальцев Лу Цзаоцю. Он посмотрел на Чжун Гуаньбая, который, опустив голову, осторожно вытирал его руки, и тихо ответил:

— Хорошо.

Вечером Лу Цзаоцю играл на скрипке в гостиной, а Чжун Гуаньбай пошел принимать душ. Он долго не выходил, и Лу Цзаоцю, обеспокоенный, положил скрипку и подошел к двери ванной, постучав:

— Гуаньбай?

Изнутри доносился только звук воды.

Лу Цзаоцю открыл дверь и услышал, как в шуме воды смешиваются низкие стоны.

Чжун Гуаньбай прислонился к стене ванной. Его волосы были мокрыми и прилипли к щеке. Вода стекала с его лица, груди, живота и тыльной стороны руки. Он закрыл глаза, держа член в руке, и двигал рукой вверх и вниз.

Лу Цзаоцю подошел и положил ладонь на поясницу Чжун Гуаньбая.

Прикосновение, более прохладное, чем вода, заставило Чжун Гуаньбая вздрогнуть. Он открыл глаза и отступил, чуть не поскользнувшись:

— Лу... господин Лу...

Лу Цзаоцю подхватил Чжун Гуаньбая:

— Почему ты не позвал меня?

Чжун Гуаньбай сказал:

— Сегодня я устал, и не собирался... Но, принимая душ, услышал твою скрипку, подумал о том, как ты играешь, и не смог сдержаться...

Лу Цзаоцю одной рукой обнял Чжун Гуаньбая за поясницу, а другой рукой потянулся к его нижней части тела.

<http://bllate.org/book/15543/1382826>